

МЕМУАРЫ. ПУБЛИЦИСТИКА

*В. М. Крюков***ГЛОТОК СВОБОДЫ В 80-е
(о встрече с В. Астафьевым)**

В один из томских дней А. И. Солженицын побывал у камня Скорби. Когда его провожали к машине, какое-то время мы шли рядом. И я сказал Александру Исаевичу, указывая на тиасуровские колонны: “А знаете, вот в этом здании в 82-м году ваше имя прозвучало на тысячную аудиторию не в обиходе с ругательствами, а совершенно положительно”. Александр Исаевич приподнял брови: “И как же это?”. Я воспроизвёл ему эпизод выступления В. П. Астафьева (о чём будет рассказано ниже). Солженицын от души рассмеялся (я бы даже сказал, расхохотался), с удовольствием повторяя: “Это Виктор Петрович мог! Это он мог!” Я подумал, что жизнь всё расставила по своим местам, по справедливости.

Да, было начало ноября 1982 года. В Томск приехал В. Астафьев и в первый вечер пришёл в актовый зал ТИАСУРа, чтобы встретиться со студентами томских вузов. Он поднялся на сцену под аплодисменты полного зала. Я отметил его обычность, хорошее русское умное лицо.

— Спасибо вам за приглашение, — сказал он собравшимся. И добавил странно, чуть лукаво: — А то меня уже мало куда приглашают, вот, в Новосибирск, скажем, не зовут.

Этот лукавый намёк стал понятен часом позже. А поначалу Виктор Петрович попросил разрешения общаться с народом, сидя за столом. Э. В. Бурмакин сказал несколько уважительных и тёплых слов, поблагодарил, в свою очередь, за приезд и предложил начать встречу. Когда-то Есенин, заканчивая краткую автобиографию, заметил: “Что касается других сведений, они — в моих стихах”. Наверное, и биографию Астафьева можно проследить, читая “Последний поклон”, другую его прозу. Потому события своей жизни обозначил он конспективно, остановился на том, как начал писать, кто помогал ему встать на ноги, как определялись его тема, манера. Повествовал он с некоторою грустной интонацией, вообще присущей воспоминаниям. Затем стал отвечать на записки: во время рассказа их передали немало. Эдуард Владимирович расправлял их и укладывал перед писателем. Были какие-то нормальные вопросы и обычные ответы.

Наконец произошло следующее. Виктор Петрович огласил очередную записку:

— Скажите, кого из современников вы назвали бы великим?

На минуту задумался, потом оговорился, что выскажет суждение только о людях близкой ему области — литературы.

И высказал:

— На мой взгляд, сегодня в мире два великих писателя: колумбиец Маркес и наш Александр Исаевич Солженицын.

В напряжённой тишине кто-то из зала поднялся и передал ещё одну записку. Астафьев прочёл:

— А наш профессор говорит, что Солженицын — изменник родины и давно деградировал как писатель.

Виктор Петрович пожал плечами и простодушно заметил:

— Скажите вашему профессору, что он дурак.

Теперь по некоторым рядам пробежал ропот, прошло какое-то движение. И ещё записка легла на стол Астафьева. Суть была такова: какой же это великий писатель, где его человеколюбие, если он в своём Вермонте обнёс дом и парк забором и через телекамеру наблюдает, кто пришёл, можно ли пустить.

Виктор Петрович сокрушённо развел руками:

— Эх, мне бы такой забор с телекамерой, а то иногда праздный народец одолевает — спасу нет.

— Но он же покинул родину?! Уехал! — крикнул кто-то из первых рядов.

— А по-моему, — парировал Астафьев, — даже в наших газетах писали, что Александр Исаевич не уехал, а был выслан.

Оппоненты из зала то ли растерялись, то ли были кем-то оставлены, но тема на этом закрылась. Виктор Петрович продолжал отвечать на другие вопросы так же спокойно и свободно, и эта внутренняя свобода на меня, например, оказала и такое воздействие — стало легче дышать.

Замечательно то, что эти “скандальные” пассажи не были самоцелью, Астафьев просто говорил то, что думал. Обо всём. Но это был для той поры нонсенс. Он отказался играть по правилам. Он отказался от солидарности с той “элитой”, которая в ответ на известные льготы и привилегии обрабатывала с возможной “искренностью” наши умы.

Отойдя от контузии, зал в завершение встречи проводил гостя долгими аплодисментами. В коридоре и на лестнице стоял гул от голосов — люди обменивались мнениями. Рядом оказался известный томский писатель и спросил: “Ну и как?” Конечно, я сказал что-то восторженное. Писатель посмотрел на меня мрачно, сказал в своей спокойной, бесстрастной манере:

— Ну-ну... А я вот не разделяю. Мы с тобой, допустим, это поняли. Но вот так, на всех — однако же слишком. Слишком вызывающе.

И помотал головой. Тихо, но укоризненно.

Ах ты, господи...Ведь у него же, у этого самого, встречаю я нынче в газетной статье ссылку на моральный авторитет — на Солженицына. Что же тогда так потерянно кивал он головой, будто видели мы перед собой тихо помешанного, и оставалось только пожалеть его. Между тем, не помешанный был перед нами, а известный советский автор, обласканный различными званиями, но не подкупленный, называется, а подкупаемый. Да только не на того напали!

Однако продолжу. Программа выступлений и встреч Астафьева была обнародована заранее, и хотя её, конечно, скомкали и свернули, но именно следующую утреннюю встречу отменять было поздно. В Доме творческих организаций была она запланирована.

Наутро я помчался в областное радио, попросил “Репортёр”. Понятно, можно было уверенно полагать, что никакой передачи не будет, но знакомая журналистка этого не знала, магнитофон дала.

Явившись в зал, я разместился за первым столом, раскрутил шнур микрофона. Приехал Астафьев. Пробираясь к своему месту сквозь густое скопление людей, он сказал (как помнится мне, с тою, уже знакомой лукавиной):

— Это всё творческие работники? О, как вас много!

Ныне сопровождающим писателя был человек иного склада — партийный функционер А. К. Черненко (сын). Этот-то, разумеется, В. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

зная о вчерашнем, жёстко вёл встречу. Однако Астафьев держался так же свободно, говорил столь же определённо на темы, которые не принято было поднимать (о преступности, бомжах), затрагивал вопросы больные, на которые многие закрывали глаза ...

В сентябре 82-го (за два месяца до Астафьева) в Томске прошёл суд на тремя “читателями и распространителями антисоветчины”. Суд был открытый, власть показывала свои возможности тем, кто пока ещё сидел отдельно от подсудимых. Совсем незадолго до этого, в 80-м, нас — некоторую группку — “попинали” с работ за чтение самиздата. Было мерзко, было печально, но “исправляться” не хотелось. Оставалось... ну, собственно, оставаться самим собой. Не бороться, но и не подличать, не поддерживать этих, не заискивать перед ними. Конечно, мне, скажем, помогали имена Сахарова, Солженицына, Буковского, Марченко. Но когда вот так — рядом — живой голос... Сейчас это трудно объяснить, особенно новой публике. Не раз и не пять в “года глухие”, в разных компаниях мы ставили на магнитофон эту пленку и подзаряжались (если это слово ещё не скомпрометировано) достоинством, внутренней свободой нашего соседа-сибиряка.

Летом 93-го года, узнав о том, что готовится новое собрание сочинений В. П. Астафьева, я перепечатал его выступление перед творческими работниками Томска и отправил ему, приписав, что, может быть, оно найдёт место в этом собрании. Ответ пришел через две недели. Истинно астафьевский ответ: “Думаю, в собрание сочинений включать не стоит — оно не для говорливых тем создаётся, тем более, что говорильни этой, как я ни упирался, за жизнь накопилось лишка. Желаю доброго здоровья и дел по душе. В. Астафьев, село Овсянка”.

Нередко вспоминая Виктора Петровича, я всякий раз желаю доброго здоровья честному человеку и хорошему писателю.

В. П. Астафьев

Выступление перед творческими работниками Томска (ноябрь 1982 года)

В 45-ом году я женился, совершил такой поступок, который Богом предопределён. Было мне двадцать лет, жене — двадцать лет. В 45-ом году после госпиталя я женился, жена оказалась с Урала, ехать мне в Сибирь в общем-то некуда было, это сейчас вы — хотя бы часть из вас — рады меня видеть. По моему, в 45-м году никто бы не обрадовался и никто бы не заметил, что я приехал, поэтому поехали на родину жены, и я 24 года прожил на Урале. Из них 19 — самые молодые годы, самые трудные — были прожиты в городе Чусовом на Урале, городишке маленьком, дымном, рабочем, тёмном. Там родились дети и выросли, там остались молодые годы, и там я переживал всё, что наш дорогой генералиссимус и наши дорогие маршалы предоставили нам: возможность после войны или погибнуть или выжить. Мы с женой выжили. Многие погибли в этой страшной борьбе с нуждой, выброшенные, по существу, на помойку, забытые всеми. Через 20 лет о нас вспомнили, что есть инвалиды, те, кто воевал. И дали нам медали в честь 20-летия и разрешили написать в сборниках о том, что мы были.

Там с женой мы похоронили первого ребёнка, потому что его кормить нечем было. Там прожили мы и на улице, и в голоде, и в холоде, но выстояли. Жена у меня тоже пиущий человек, очень хороший человек, жизнестойкий, из рабочей семьи. Их было в семье 9